

Письма Фридриха Христиана Вебера Джону Робесону из России 1718–1719 гг.

И.И. Федюкин
А.Д. Новикова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В статье рассматривается корреспонденция ганноверского резидента в России Ф.Х. Вебера за период с января 1718 по весну 1720 гг. Данный эпистолярный комплекс включает более двухсот донесений, написанных на французском языке и отложившихся в коллекции «Французские рукописи» Бодлианской библиотеки Оксфордского университета. Цель данной работы состоит в том, чтобы представить этот источник научной аудитории и провести его предварительный анализ. Не секрет, что хотя формально Вебер был ганноверским резидентом, в практическом отношении он представлял интересы Англии, поскольку ганноверский курфюрст с 1714 г. являлся одновременно и британским монархом Георгом I. Его дипломатическому секретарю Джону Робесону и адресованы рассматриваемые в настоящей статье письма.

В работе описаны различные аспекты дипломатической деятельности Вебера, включая его методы сборы информации в России и отправки её в Англию, такие как подкуп, использование агентов, шифров, посылку писем «под кувертом» других лиц. Помимо методов дипломатической и разведывательной работы резидента, донесения отражают задачи, которые перед резидентом ставило его правительство: выяснение характера отношений между русским двором и яacobитами, а также наблюдение за ходом Аландского конгресса, выявление намерений русского и шведского дворов по заключению сепаратного мира. Предметом изучения выступают, кроме того, подходы Вебера к анализу международной обстановки и политической ситуации внутри России. Хотя на основании собранной информации ганноверец пришёл к выводу, что сепаратный договор между Россией и Швецией невозможен, и убеждал в этом своего корреспондента, английское правительство продолжало видеть опасность в ведущихся на Аланде переговорах. Начиная с мая 1718 года Сент-Джеймский двор поставил перед Вебером задачу сорвать Аландский конгресс.

Введение в научный оборот и дальнейшее изучение этого эпистолярного комплекса позволит пролить свет на историю внешней политики России на заключительном этапе Северной войны накануне заключения Ништадтского мира.

Ключевые слова: дипломатия, Северная война 1700–1721, Аландский конгресс, Пётр I, Георг I, Ф.Х. Вебер, Россия, Великобритания

УДК: 94,327

Поступила в редакцию: 11.12.2021

Принята к публикации: 02.03.2022

Среди многочисленных иностранных дипломатов и путешественников, оставивших описания России петровского времени, видное место занимает Фридрих Христиан Вебер (1690/1695 (?) – 1739), представитель ганноверского курфюрста при русском дворе и автор трёхтомного сочинения «Преображённая Россия» (*Das veränderte Russland*)¹. Особенно ценен первый том книги, который был основан непосредственно на личных впечатлениях и на недошедшем до нас дневнике Вебера. Он был написан и опубликован в 1721 г., сразу после возвращения автора из России, и немедленно переведён на английский, а затем на французский языки, оказав огромное влияние на представления о Петре I и петровских реформах в Западной Европе. Не будет преувеличением сказать, что на протяжении как минимум нескольких десятилетий этот текст оставался самым обстоятельным из доступных европейской аудитории описанием перемен в России начала XVIII в. Сочинение Вебера до сих пор востребовано историками, в том числе и потому, что его автор провёл в Санкт-Петербурге середину – вторую половину 1710-х гг. Он был свидетелем начала системных институциональных реформ Петра, дела царевича Алексея, переговоров о мире со Швецией на Аландском конгрессе. Оказавшись в незнакомой ему ранее стране, Вебер проявил себя как внимательный и проницательный наблюдатель, мастер выстраивания придворных связей, сбора и анализа информации.

Тем досаднее поэтому, что, несмотря на широкое использование исследователями «Преображённой России», другие материалы посольства Вебера до сих пор мало вовлечены в научный оборот. Между тем донесения ганноверского дипломата имеют огромное значение для изучения истории внешней политики Петра I на излёте Северной войны, накануне Ништадтского мира, оформившего превращение России в великую европейскую державу.

Формально Вебер представлял в Санкт-Петербурге Ганновер, но ганноверский курфюрст с 1714 г. являлся одновременно и британским королём Георгом I, и на годы пребывания Вебера в России приходится кризис в отношениях между двумя монархами. Именно во второй половине 1710-х гг. отношения между Россией и Англией постепенно перешли в формат острого противостояния в связи с той ролью, которую Сент-Джеймский двор играл (или пытался играть) на Балтике во время Аландского конгресса и на этапе заключения Ништадтского мира. Кульминацией этого противостояния стала отправка на Балтику эскадры адмирала Дж. Норриса; всерьёз обсуждалась возможность её совместных со шведами действий против русского флота. Ещё С.А. Фейгина и Л.А. Никифоров обоснованно поставили под сомнение представление о наличии существенных

¹ Weber F. Ch. *Das veränderte Russland, in welchem die ietzige verfassung des geist- und weltlichen regiments; der brieges- staat zu lande und zu wasser; wahre zustand der russischen finantzen ... die begebenheiten des czarewitszen ... in einem biss 1720 gehenden journal vorgestellt werden, mit einer accuraten land-carte und kupferstichen versehen.* Franckfurth. N. Förster. 1721.

расхождений во внешнеполитических позициях Лондона и Ганновера. Как полагала С.А. Фейгина, такое представление сложилось в результате сознательной тактики правительства Георга I, стремившегося избежать парламентского контроля за проводившейся им на севере Европы политикой (Фейгина 1959: 352). Автор новейшего (и, к сожалению, единственного) посвящённого Веберу монографического исследования Мартин Хлоновски отмечает, что русская сторона и сам Пётр I не делали различий между «английским» и «ганноверским» измерениями во внешнеполитических действиях Георга I (Klonowski 2005: 153–154). Забегая вперёд, скажем, что рассматриваемые в нашей статье материалы полностью подтверждают этот вывод: в них не прослеживается свидетельств того, чтобы Вебер разделял интересы Ганновера и Англии. В духе той эпохи он служил своему монарху и мыслил династическими, а не национальными категориями.

Одним из первых историков, кто углублённо рассмотрел вопрос о внешней политике Великобритании по отношению к петровской России после восшествия на престол Георга I, был Джеймс Ф. Чэнс. Он усматривал решительное противоречие в целях ганноверской и английской политики и связывал внешнеполитическую линию Англии с расстановкой сил в парламенте, с которым правительству Георга I приходилось считаться (Chance 1906). На материале английских и ганноверских архивов Чэнс пришёл к выводу, что на севере Европы Англия преследовала две цели: во-первых, обеспечить английским купцам свободную торговлю на Балтике, которая была невозможна из-за блокады Швеции Россией и Данией; во-вторых, сорвать интриги якобитов и испанского двора, пытавшихся в этот момент склонить Россию и Швецию к совместному выступлению в поддержку свергнутых Стюартов (Chance 1909; Chance 1906: 461).

Фрейбургский историк В. Михаэль считал, напротив, что английское правительство при Георге I обеспечивало интересы Ганновера, заключавшиеся в приобретении Бремена и Вердена (Michael 1928). Разрыв отношений между Петербургом и Лондоном, согласно этой точке зрения, был обозначен Северным кризисом 1716–1717 гг., известным также как Мекленбургское дело, когда династический брак между племянницей Петра и герцогом Мекленбургским поставил под удар интересы Георга как ганноверского курфюрста (Mediger 1967).

К настоящему времени в зарубежной историографии сложился консенсус, что основная цель Англии на севере Европы заключалась, во-первых, в обеспечении безопасности Ганновера (что было возможно только после вывода русских войск из Мекленбурга), а во-вторых, в поддержании баланса сил в Балтийском регионе (для чего необходимо было помешать Петру заключить сепаратный мир со Швецией на условиях России) (Murray 1969: 349; McKay 1973: 384; Hatton 1978: 119; Black 2005: 329).

Одна из первых в отечественной историографии работ, специально посвящённых кризису и разрыву отношений между Англией и Россией на завершающем этапе Северной войны, принадлежит Л.А. Никифорову (Никифоров 1946).

В своей монографии, основанной на материалах российских архивов и опубликованной дипломатической переписке, Никифоров доказывал, что английское правительство преследовало цель предотвратить выход России в Балтийское море (Никифоров 1950).

Более детально Аландский конгресс изучила С.А. Фейгина. Основываясь на широком круге источников из отечественных архивов и библиотек (в том числе, на опубликованной корреспонденции Вебера, см. ниже), она рассмотрела переговоры в более широком контексте. По мнению Фейгиной, английская позиция сводилась к тому, чтобы добиться отказа Швеции от Бремена и Вердена, но помочь ей сохранить за собой Восточную Прибалтику (Фейгина 1959: 514-515). В дальнейшем новые источники для изучения данной тематики привлекались мало: например, автор одной из новейших диссертаций А.А. Стерликова вовсе не привлекает зарубежные архивные источники, ограничиваясь уже известными материалами из российских архивов и опубликованными материалами (Стерликова 2006: 311).

Хотя на заключительном этапе Северной войны Англия играла – или стремилась играть – важнейшую роль в международной политике в Балтийском регионе, именно в тот период качество донесений английских дипломатов в России упало. На смену глубоко погружившемуся в российский контекст Чарльзу Уитворту (1705–1712) пришли Джордж Маккензи (сентябрь 1714 – май 1715) и Джеймс Джефферис (январь – октябрь 1719); за год пребывания в России они не успели обзавестись достаточными контактами. Джеймс Холдейн, сопровождавший Петра в Амстердаме в 1716–1717 гг., до России так и не доехал.

Донесения Вебера приобретают на этом фоне особую ценность. Тем не менее его дипломатические реляции, в отличие от донесений других западноевропейских дипломатических представителей в России, не были охвачены программой публикации источников такого рода в Сборниках Российского исторического общества в XIX в.² Часть донесений Вебера была опубликована в 1880 г. немецким историком Эрнстом Германом в качестве приложения к его работе «*Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei. Vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr. Christian Weber*» («Пётр Великий и царевич Алексей. Преимущественно по сюжетам и отрывкам из дипломатической переписки Фридриха Христиана Вебера»)³. Публикация эта, однако, носит фрагментарный характер: в частности, из 55 реляций, которые Вебер направил Георгу I в Лондон в 1718 г., изданием охвачены только 22, притом с сокращениями. Германа интересовало, прежде всего, дело царевича Алексея, а иные сюжеты, в том числе внешнеполитические, упоминались лишь вскользь; некоторые

² См. их донесения в: *Сборник Императорского Русского исторического общества*. 1888. Т. 61. Санкт-Петербург.

³ Weber F.Ch. 1880. *Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei. Vornehmlich nach u. aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr. Christian Weber's*. Ernst Herrmann (Hg.). Leipzig: Duncker & Humblot.

реляции, насколько можно понять, смикшированы. Но даже с учётом этих недостатков публикация Германа представляет интерес, так что можно сожалеть, что она мало используется историками.

В данной статье речь пойдёт о другом комплексе документов, а именно, о подборке писем Вебера секретарю Георга I Джону Робесону, охватывающей период с января 1718 г. по 21 мая 1720 г. и отложившейся в коллекции «Французские рукописи» (MS. French d. 35) в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета. Как будет показано ниже, донесения эти, носящие полуформальный характер, отражают дипломатическую деятельность Вебера и его впечатления о происходящем в России даже подробнее, чем его официальные реляции королю. Эти документы использовал Пол Бушкович в своём фундаментальном труде «Пётр Великий. Борьба за власть (1671–1725)» (Bushkovitch 2001), однако комплексно в научный оборот они до сих пор не вовлекались; в частности, не учтены они и в монографии М. Хлоновски. В настоящее время авторы данной статьи ведут работу над подготовкой этого эпистолярного комплекса к публикации.

Фридрих Христиан Вебер и его корреспонденция

Сведений о ранней жизни и карьере Ф.Х. Вебера немного. Предположительно, он родился между 1690 и 1695 гг.; на службу к ганноверскому курфюрсту в 1710 г. он поступил в возрасте 15–20 лет, что вполне соответствует нормам того времени. Об образовании Ф.Х. Вебера и первых его шагах на дипломатическом поприще известно, что в 1713 г. он был отправлен со своей первой миссией за пределы Ганновера в Хузум и Тённиг в Голштинии. По сведениям М. Хлоновски, помимо немецкого и французского, Вебер также владел английским, итальянским и латинским языками, а во время своей миссии в Санкт-Петербург выучил и русский (Klonowski: 192). Что касается его семьи, то известно, что у Ф.Х. Вебера был младший брат, сопровождавший его в Россию; своими долгами и беспутством он доставил там дипломату немало хлопот (Базарова 2017). В рассматриваемой нами корреспонденции мы встречаем упоминания о двух попытках Вебера заключить брак в России; первая из них окончилась неудачей, а исход второго сватовства, как следует из писем, был более благоприятным. Кроме этих немногочисленных деталей о Вебере как человеке мы, увы, практически ничего более не знаем.

Хронологически миссия Ф.Х. Вебера в России распадается на два этапа. Первый начался с его приездом в Россию в феврале 1714 г. и завершился в конце января 1717 г., когда в связи с длительной поездкой царя за границу Вебер покинул Санкт-Петербург. Весной – летом 1717 г. он находился сначала в Риге и Данциге, а затем в Ганновере. На этот период пришлось резкое ухудшение отношений между Петром I и Георгом I в связи с заключением брака между герцогом Мекленбургским и племянницей царя царевной Екатериной Иоанновной, что поставило под удар ганноверские интересы в северной Германии. После возвра-

щения Петра I из Западной Европы Вебер в октябре 1717 г. вернулся в Санкт-Петербург. Именно тогда он получил дипломатический ранг резидента (вместо ранга секретаря посольства, которым ему приходилось до этого довольствоваться). 12 января 1719 г. в Россию в качестве английского резидента прибыл Джеймс Джефферис, бывший до того резидентом при Карле XII, и в дальнейшем английский и ганноверский резиденты действовали сообща. Вебер оставался при дворе русского государя до октября 1719 г., когда ему и Джефферису пришлось выехать из страны в связи с обострением отношений между Россией и Англией. Рассматриваемая нами коллекция включает некоторое количество писем, отправленных Вебером после его отъезда из Санкт-Петербурга. В октябре 1719 г. резидент написал несколько посланий Робесону из Риги, с 18 ноября 1719 г. по 10 апреля 1720 г. он послал более двадцати донесений из Данцига, а последнее из доступных нам писем отправлено 21 мая 1720 г. из Ганновера.

Адресат донесений Вебера – Джон Робесон (вернее, Жан – Jean de Robethon) – в интересующий нас период был одним из влиятельнейших деятелей правительства Георга I (Chance 1898). Он родился во Франции, в небольшом городке примерно на полпути между Шартром и Ле-Маном, в кальвинистской семье. Около 1689 г. Робесон перебрался в Англию, через несколько лет принял английское подданство, служил секретарём у высокопоставленных дипломатов, в 1698 г. стал секретарём Вильгельма III, после смерти которого перешёл на службу к герцогу Брауншвейг-Люнебургскому, а после смерти последнего – к его племяннику и наследнику, будущему королю Георгу. Со временем Робесон стал доверенным дипломатическим секретарём Георга и сохранил эту роль после переезда последнего в Лондон. Там он стал одним из членов немецкого придворного триумvirата, вместе с тайными советниками Андреасом Готлибом фон Бернсторфом (Andreas von Bernstorff) и Гансом Каспаром фон Ботмером (Johann Caspar von Bothmer). В 1718–1719 гг. Робесон находился на пике своего влияния; критически настроенные современники приписывали ему роль «серого кардинала» ганноверской камарильи. Однако уже в 1719 г. в рядах немецкого триумvirата происходит раскол в связи с тем, что Бернсторф (и поддержавший его Робесон) безуспешно попытались помешать сближению Англии с Пруссией. Это последнее обстоятельство – враждебность Робесона по отношению к Пруссии – следует принимать во внимание при анализе адресованных к нему донесений Вебера из России (и действительно, прусский посланник Мардефельд предстает в них во многом как антагонист автора). К 1721 г. Робесон потерял всякое политическое влияние. Он получил в качестве sinecеры пост управляющего так называемого Французского госпиталя, благотворительного учреждения для французских кальвинистов в Лондоне, а в 1722 г. скончался.

После смерти Робесона его бумаги достались его сыну, полковнику Джорджу Уильяму Фредерику Робесону. После смерти последнего, около 1752 г., они были проданы с аукциона, причём большую часть приобрёл известный коллекционер того времени Мэтью Дуэйн (Matthew Duane). Бумаги кочевали из одной

коллекции в другую, пока в итоге не попали в коллекцию герцогов Бэкингэмских в их поместье Стоу Хаус. После банкротства очередного герцога коллекция была приобретена ещё одним любителем древностей, лордом Эшбурнхэмом, сын которого в 1883 г. продал её британскому правительству. В результате большая часть документов Робесона сегодня хранится (под номерами 222–232) в собрании рукописного отдела Британской библиотеки в фонде Stowe Papers, хорошо известном каждому, кто занимался политической истории Англии начала XVIII в. Часть документов Робесона, однако, попала в 1743 г. в руки его пасынка, полковника Максвелла, который ещё при жизни передал её (или большую её часть) в Ганновер.

В ходе перемещений часть бумаг Робесона откололась от основной коллекции. Согласно записи в каталоге Бодлианской библиотеки, интересующий нас том был приобретён на аукционе «Сотбис» в июне 1973 г.⁴ Кто именно его продал, и какова могла быть предыстория этих документов, выяснить пока не удалось. Во всяком случае, относительно недавнее приобретение данных документов библиотекой объясняет, почему они до сих пор практически не исследовались и не использовались историками. На корешке тома имеется надпись «Fr. Chr. Weber. Том 3». Таким образом, перед нами лишь один из трёх томов донесений Вебера (вероятнее всего, сформированных при разборке бумаг Робесона). Очевидным образом, существовали и два тома, включавших переписку за более ранний период, охватывающую первый приезд Вебера в Россию и его возвращение в Санкт-Петербург в 1717 г. Отсюда становится понятно, почему переписка в данном томе начинается с января 1718 г. – при формировании томов письма были разделены чисто механически, по хронологическому принципу. Где в настоящее время хранятся два первых тома, если они сохранились, неизвестно.

Отдельно следует остановиться на вопросе о том, какое место занимали эти письма в системе коммуникации Вебера с его правительством, и как они соотносятся с реляциями, опубликованными в 1880 г. Э. Германом. После образования личной унии между Ганновером и Великобританией Георг I всё чаще управлял своим курфюршеством из Лондона, куда с ним переехали некоторые ключевые министры. В первую очередь это уже упоминавшийся фон Бернсторф и президент палаты барон Фридрих Вильгельм фон Гёрц (Friedrich Wilhelm von Haugwitz); в Лондоне к ним присоединился Ганс Каспар фон Ботмер, занимавший ранее пост представителя Ганновера при английском дворе. Весной 1716 г. фон Гёрц вернулся в Ганновер, после чего немецкими делами Георга I руководили фон Бернсторф и фон Ботмер. С целью формального разделения ганновер-

⁴ Letters from F.C. Weber, Hanoverian Resident at St. Petersburg, to Jean de Robethon, secretary to George I as Elector of Hanover. Oxford, Bodleian Libraries. MS. French d. 35. URL: <https://archives.bodleian.ox.ac.uk/repositories/2/resources/5303#> (accessed 18.04.2022)

ских и английских дел уже в 1714 г. была создана Германская канцелярия. После расторжения личной унии между Великобританией и Ганновером в результате восшествия на престол королевы Виктории в 1838 г. Германская канцелярия в Лондоне была распущена, а её архив через какое-то время был передан в Ганновер, где и находится в настоящее время; значительная часть его документов была утилизирована перед транспортировкой для экономии места, а также погибла во время налета союзной авиации в 1943 г.

Именно к этому комплексу документов относятся и донесения Ф.Х. Вебера, опубликованные Э. Германом: это официальные реляции резидента в адрес Георга I как курфюрста Ганновера, которые проходили как раз через Германскую канцелярию в Лондоне и после ликвидации последней оказались в итоге в ганноверском отделении Государственного архива земли Нижняя Саксония. Они писались на немецком с регулярностью примерно раз в неделю. Недавно на документы Вебера из коллекции Государственного архива земли Нижняя Саксония обратил внимание А.С. Лавров, давший их краткий обзор (Лавров 1996: 442-444). В последнее время некоторые из этих материалов оцифровываются и становятся доступными исследователям онлайн, однако освоение и осмысление этого материала ещё впереди.

По сравнению с официальными реляциями, разбираемая нами переписка Вебера с королевским секретарём Робесоном была гораздо интенсивнее. За почти два года, охваченных этим томом, с января 1718 г. по 21 мая 1720 г., он направил в Англию более двухсот писем, причём большинство было направлено Робесону в те же даты, что официальные реляции королю. Таким образом, Вебер вёл с Робесоном полноценный прямой диалог. Характер этого диалога и возможные различия в освещении тех или иных событий в письмах Робесону и реляциях королю ещё предстоит выявить, но в принципе ничего удивительного или необычного в наличии такой переписки нет: дипломаты всех стран поддерживали прямые коммуникации не только с монархом, но и с министрами, руководителями внешней политики. Обычно такая переписка носит менее формальный и более детальный характер, в ней отражаются (в отличие от официальных реляций) жизненные обстоятельства и бытовые заботы дипломатов, раскрывается дипломатическая и разведывательная «кухня», проговариваются возможные подходы к выполнению тех или иных дипломатических поручений. Всё это, конечно, указывает на высокую ценность писем Вебера Робесону как исторического источника.

Наконец, следует упомянуть, что в Государственном архиве земли Нижняя Саксония хранятся также письма Робесона Веберу (согласно каталогу – собственноручные) за 1714–1716 гг. Можно предположить, что по возвращении из России они были сданы Вебером в Германскую канцелярию в составе архива его посольства. Судьба писем Робесона Веберу за 1717–1719 гг. (и Вебера Робесону за 1714–1717 гг.) нам пока неизвестна.

Деятельность Ф.Х. Вебера в России

Рассматриваемый нами комплекс переписки относится ко второму, заключительному этапу пребывания Ф.Х. Вебера в России. Корреспонденция велась на французском языке (за исключением нескольких посланий на немецком), причём весьма интенсивно. Например, в течение 1718 г. в Лондон ежемесячно посылалось примерно по десять писем. Часто письма были снабжены приложениями: это попавшие в руки Вебера донесения других иностранных дипломатов; полученные им письма от российских сановников; проекты договоров, которые он сумел раздобыть или реконструировать по косвенным сведениям; карты и планы местностей. Иногда к донесениям прилагались и посылки. Например, в феврале 1719 г. по просьбе фон Бернсторфа Вебер вместе с письмом отправил в Лондон саженцы «прекрасных наливных яблок», которые ранее понравились министру⁵.

Характерной особенностью писем является их большой объём и неформальный стиль. Детальные рассказы о наблюдаемых резидентом событиях нередко сопровождалось изложением личной точки зрения Вебера, а порой даже и советами английскому двору. Помимо дипломатических сюжетов, Вебер затрагивал бытовые вопросы. Например, за время службы Вебер дважды просил королевского одобрения на брак. 6 марта 1718 г. резидент писал, что «Бог ниспослал ему счастье» в лице дочери приближённого Петра, генерала Адама Адамовича Вейде. О браке с ней Вебер думал ещё в свой первый приезд в Россию, но тогда «оставил саму мысль о нём ввиду непрочного своего положения» (вероятно, имеется в виду его низкий статус в дипломатической службе)⁶. Поскольку позиция Вебера изменилась, он просил, чтобы «Его Величество дал на [брак] своё милостивое соизволение». Однако через год, 20 февраля 1719 г., резидент сообщал, что «счастливо избежал брака с дочерью генерала Вейде, союз с которой принёс бы [ему] бессчётные горести», и через Робесона вновь просил одобрения короля на брак, на этот раз с дочерью «здешнего видного купца и банкира по имени Дюрстервальден»⁷. Судя по тому, что в майском донесении того же года (см. ниже) Вебер упоминает уже свою «тёщу», этот брак состоялся.

Из писем видно, что Вебер вёл переговоры с канцлером Г.И. Головкиным и вице-канцлером П.П. Шафировым, с А.И. Остерманом и П.И. Ягужинским, участвовавшими в работе Аландского конгресса, и иногда получал аудиенции у Петра I. П.П. Шафирова Веберу удалось подкупить, о чём он сообщил 27 июня

⁵ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 февраля 1719 г., Санкт-Петербург. Здесь и далее письма цитируются в переводе Д.А. Кондакова.

⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 6 марта 1718 г., Санкт-Петербург.

⁷ Бихтель Дистервальд – данцигский горожанин, получивший патент на свободную торговлю в России и отправившийся в Санкт-Петербург в апреле 1716 г. Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 февраля 1719 г., Санкт-Петербург.

1718 г.: «улучил минуту, дабы внушить Шафирову, что коли он окажет нам известную услугу, то может рассчитывать на 30 тысяч экю. <...> после долгой преамбулы о его добрых качествах и неподкупности, едва я назвал сумму, он тотчас переменил место, и мы уселись в углу комнаты для пущего удобства. Там он мне объявил, что деньги его нисколько не прельщают, но он горит желанием примирить оба наших двора»⁸. Как выяснилось потом, при российском дворе об этой сделке было известно. В январе 1719 г. Ягужинский заявил дипломату, «что тридцать тысяч экю в подарок Шафирову не помогут добиться вывода войск из Мекленбурга»⁹. Своими ключевыми оппонентами при дворе Вебер считал А.Д. Меншикова и П.И. Ягужинского, начальника Тайной канцелярии П.А. Толстого, прусского посланника Г. Мардефельда (на определённом этапе) и лейб-медика Петра I Р.К. Арескина: именно они, по мнению резидента, настраивали царя против Англии. Вебер также отмечал «нескрываемое отвращение» к Ганноверу, а соответственно, к английскому королю, со стороны царицы¹⁰. С ней он также пытался наладить контакт и через приближённую к ней придворную даму склонить на свою сторону, однако безрезультатно.

Помимо аудиенций с государем и бесед с русскими министрами, Вебер «прекрасно преуспевал в заведении новых знакомств» и создал целую сеть информаторов¹¹. Одним из источников информации были другие иностранные дипломаты, предоставлявшие ему доступ к имевшимся у них сведениям. Например, среди приложений к письмам Вебера к Робесону мы находим послание, полученное резидентом от шведского дипломата Йосиаса Цедергельма¹², с подробным описанием происходившего при шведском дворе¹³. В январе 1718 г. Вебер сообщал, что «прочитал несколько писем из Голландии», из которых ему стало известно о встречах русского дипломата кн. Б.И. Куракина со Станиславом Понятовским¹⁴. Но чаще всего информацией Вебера снабжал датский посланник Ганс-Георг Вестфален, который нередко знакомил ганноверца и со своими донесениями, и с полученными им инструкциями, а также служил для него проводником к Меншикову, поскольку самому Веберу установить с ним контакт не удалось. Это не значит, однако, что Вебер принимал получаемую от союзника информацию некритически. Резидент описал некоторые схемы, которые он использовал для проверки подобного рода сведений: «дабы убедиться ещё надёжнее в истинности известий, я решил заронить сомнение в душе Вестфалена и

⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 17 июня 1718 г., Санкт-Петербург.

⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 января 1718 г., Санкт-Петербург.

¹⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 23 июля 1718 г., Кроншлот.

¹¹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 23 января 1719 г., Санкт-Петербург.

¹² Йосиас Цедергельм (Седеръельм) (швед. Josias Cederhielm; 1673–1729) — шведский дипломат, сопровождавший армию с началом похода Карла XII и попавший в русский плен во время Полтавской битвы. Во время Аландского конгресса под честное имя был отпущен в Стокгольм, куда привёз условия мира Петра.

¹³ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 9 июня 1718 г., Москва.

¹⁴ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 10 января 1718 г., Санкт-Петербург.

объявил ему, будто получил известие об успешном ходе переговоров в Або», чтобы тот «расспросил о том Меншикова, ибо у того свои шпионы повсюду, и он обещал [Вестфалену] <...> держать его в курсе всего, что станет ему известно о сем деле»¹⁵.

Если вначале прусский посланник Мардефельд описывался как главный антагонист Вебера, то по мере изменений в системе европейских альянсов ситуация менялась. В начале 1719 г., когда началось сближение английского и прусского дворов, Мардефельд показал ганновецу «копию своего последнего донесения царю на русском языке, и дал мне прочитывать отрывок», подтверждая тем самым свои добрые намерения¹⁶. Такая координация действий между представителями союзных держав была обычной дипломатической практикой. Это не значит, однако, что Вебер готов был принимать получаемую от союзника информацию некритически. Резидент вскоре узнал, что Мардефельд одновременно заискивал и перед Петром, «дабы здешний двор не ушёл от обязательств, кои принял на себя по отношению к прусскому двору». В результате ганноверец донёс своему двору, что «от сего посланника мы здесь видим мало добра», поскольку он играет двойную игру.

Разумеется, Вебер активно использовал свои контакты с русскими вельможами, имён которых, однако, он чаще всего не называл, чтобы защитить свои источники. В донесениях то и дело встречаются фразы вроде «я был у некоего русского вельможи, кой заверил меня, что Остерман и Брюс поехали в Або», «некий высокопоставленный русский вельможа вчера поведал мне», «я знаю из надёжного источника, что царь сказал перед отъездом в Москву» и тому подобные¹⁷. Нам, как и адресату Вебера, остаётся лишь полагаться на его слово, что цитируемый источник был действительно информирован, и что беседы не были просто выдумкой резидента.

С другой стороны, Вебер часто пересказывал свои беседы с Остерманом, Шафировым и другими министрами, называя их по имени. Мы узнаём, к примеру, что «господин Остерман написал своей жене, прочитавшей мне то письмо», и что «жена Остермана получила от мужа письмо от 14/25 февраля и зачитала его мне», и так далее¹⁸. Вероятно, речь идёт о ситуациях, когда собеседники Вебера, по его мнению, излагали ему официальную версию событий и беседа не считалась конфиденциальной. Любопытно в этой связи, что Вебер не считал нужным маскировать личность такого источника как генерал Вейде, на дочери которого он в то время планировал жениться: «Генерал-лейтенант Вейде из всех сил уверял меня вчера, что все эти ухищрения в Або ничего не дадут», – пи-

¹⁵ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 11 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

¹⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 13 января 1719 г., Санкт-Петербург.

¹⁷ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 января, 23 января, 27 января и 11 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

¹⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 4 февраля и 6 марта 1718 г., Санкт-Петербург.

сал он в одном из донесений и добавлял, что «в доме у Вейде я и раньше узнавал и нынче узнаю большую часть новостей и об интригах здешних. Там меня про-светили насчёт дел в Або»¹⁹. Этот пример вновь напоминает нам, что участие в социальной жизни, и даже амурные похождения были неотъемлемой частью профессиональной деятельности дипломата.

Ещё одним и, по уверению Вебера, наиболее надёжным каналом информации были курьеры. Резидент регулярно сообщал о прибытии курьеров из Або и пересказывал содержание привозимых ими депеш. Так, уже в первые месяцы работы Аландского конгресса Веберу удалось «привлечь на свою сторону» брата одного из русских курьеров, который раскрыл ему содержание сообщений из Або от Гёрца, ведущего переговоры со шведской стороны, царским вельможам²⁰. Помимо этого, Вебер обращался к комендантам крепостей, офицерам и военным инженерам, купцам. К примеру, о взаимоотношениях Швеции и Пруссии Вебер узнавал от знакомого купца, состоявшего в переписке с генерал-майором на службе ландграфа Гессен-Кассельского, а о передвижениях направляемых на конгресс русских уполномоченных – от коменданта крепости Або генерала И.Я. Дюпре²¹. Похоже, что Вебер имел и собственных агентов: например, он упоминал «человека, которого я послал вослед Остерману», чтобы проследить, куда поедет русский министр, а также заявлял, что ему «весьма хорошо известно, что происходит в доме» Арескина²².

Наконец, ганноверский резидент активно собирал и передавал своему правительству ходящие в России «слухи». Например, «слух, прошедший здесь в день моего прибытия, будто царь собирается воротиться в Петербург посуху, оказался ложным, мы останемся здесь ещё неделю или две, пока царь будет ходить под парусом и упражнять своих матросов», или «слухи, будто Его Царское Величество отдал приказ разоружить корабль «Ингерманландия» и напротив вооружить корабль «Лесное», дабы он был готов отплыть через неделю; прибавляют к сему, что монарх хочет совершить плавание до наступления льдов»²³.

На всём протяжении своего пребывания в России резидент, разумеется, постоянно сталкивался с различными сложностями. Его контакты с русским двором затруднялись как бесконечными постами или праздниками, во время которых нельзя было застать за работой никого из министров, так и физическими препятствиями: весной, когда лёд на Неве был уже слишком хрупким для переправы, а лодки ходить ещё не могли, Вебер долгое время был вынужденно «обездвижен». Другим источником трудностей была неуёмная активность Петра I: за время пребывания Вебера в России царь не оставался на одном месте

¹⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 6 марта 1718 г., Санкт-Петербург.

²⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 11 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

²¹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 23 августа 1718 г., Ревель.

²² Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 23 января 1718 г., Санкт-Петербург.

²³ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 11 августа 1718 г., Ревель; 16 сентября 1718 г. Санкт-Петербург.

дольше месяца. Он ездил в Москву, Ревель, Котлин, Выборг, Олонец, Або, и порой резиденту приходилось следовать за ним. Более того, на время пребывания Вебера в России пришлось некоторые из самых громких и масштабных расследований, которые, несомненно, пугали резидента: дело царевича, суды над «мздоимцами», разбирательства с иностранцами-«клеветниками». Как заметил Вебер, «хватают людей ежедневно по малейшей видимости подозрения, так что никто не может чувствовать себя спокойно»²⁴. В конце весны 1719 г. речь, по словам Вебера, шла о физической изоляции его и Джеффериса: «[нас] хотят переселить в дома за рекой, дабы удалить от двора. Главным придворным особам по-прежнему запрещают с нами видаться»²⁵.

Крайне важным для Вебера, разумеется, был вопрос о сохранении конфиденциальности сведений, отсылаемых им своему правительству. Дипломат исходил из возможности и даже вероятности перлюстрации его писем как русскими властями, так и властями стран, через которые они проходили транзитом. «Нынче доверия к здешним почтам нет совершенно», – писал он в начале 1718 г.²⁶. Летом он узнал, что его письмо прибыло к адресату в Данциге «с весьма дурно прилаженной печатью <...> оно, должно быть, было вскрыто где-то в пути. Господин Кенворти говорил мне в бытность мою в Данциге, что, де, тамошняя почтовая служба весьма любознательна и подозрительна»²⁷. Перлюстрации подвергалась также переписка других дипломатов в России, в частности, голландского, датского и саксонского представителей: «из Дрездена Лоссу и прочим, пришли письма, которые, как и мои, были [перехвачены и затем] повторно запечатаны»²⁸.

Опасения перехватки писем стали особенно актуальны после расправы над голландским резидентом де Би, который сообщал своему двору нежелательную, с точки зрения русских, информацию. Он доносил, «будто на мирном договоре между царём и Швецией недостаёт лишь подписи», передавал слухи о браке старшей дочери Петра с герцогом Голштинским, а самое страшное – изложил свою интерпретацию смерти царевича Алексея. Получив копии этих писем, русский двор «был чрезвычайно раздражён, и объявил [де Би] виновником многих других слухов, кои ходят по миру во вред царю»²⁹. После этого осведомители голландца были арестованы, а у самого резидента изъяли его бумаги и взяли его переписку под строгий контроль (Фейгина 1959: 255). В связи с произошедшим Вебер сообщал: «все письма вскрываются, происшествие с резидентом и насилие над ним вопиющи, судите сами, в какой стране мы обретаемся»³⁰.

²⁴ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 ноября 1718 г., Санкт-Петербург.

²⁵ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 12 мая 1719 г., Санкт-Петербург.

²⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

²⁷ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 17 июля 1718 г., Санкт-Петербург.

²⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 11 августа 1718 г., Ревель.

²⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 16 января 1718 г., Санкт-Петербург.

³⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 15 июля 1718 г., Санкт-Петербург.

Резидент использовал несколько способов для обеспечения безопасности своей корреспонденции. Во-первых, это отправка писем от имени других адресатов. Например, письмо от 9 января 1719 г. было послано «под кувертом», то есть, от имени одного купца³¹. В начале 1718 г. Вебер сообщал, что из-за опасений перлюстрации направляет письмо «под кувертом некоего работника», а также поручает «время от времени одному из своих слуг своей рукою писать письма будто бы с историями для донесения, в коих я изложу все подробности, заслуживающие внимания двора»³². Действительно, в рассматриваемом комплексе переписки мы находим, например, тексты, где Вебер упоминается в третьем лице, как будто не он сам рассказывает о своих действиях, а кто-то другой пишет о нём. Подобные хитрости резидента иногда затрудняют понимание переписки. С ходом времени, однако, и эти приёмы становились менее доступными: к концу лета 1718 г. Вебер жаловался, что после скандалов, последовавших за вскрытием переписки имперского и голландского резидентов (Плейера и де Би), «инога способа для переписки, кроме обычной почты, нет, купцы напрочь отказываются брать под свои куверты письма от кого бы то ни было». «Доверие и уважение к иноземным посланникам после сих несчастий заметно уменьшилось, – замечал ганноверец. – Всякий их остерегается и смотрит как на опасных личностей»³³.

Во-вторых, разумеется, в донесениях использовался шифр. Тогда это не было безусловной нормой: Вебер упоминал, что у злополучного де Би «никогда не было шифра»³⁴. Однако и сам ганноверец не шифровал свои послания целиком. Как правило, он зашифровывал имена своих собеседников и других действующих лиц, а также названия европейских держав; иногда зашифровано место действия или некоторые особенно резкие оценки событий. Например, шифром передана фраза: «смерть курьера кажется мне подозрительной. Иначе говоря, убили его преднамеренно»³⁵. Во фразе «Веселовский сделает всё возможное, дабы дать словам своего господина истолкование, весьма далекое, возможно, от истинного мнения царя, преисполненного злонамеренности [в отношении Англии]» шифром даны слова «преисполненного злонамеренности»³⁶. Шифром записан и упоминавшийся выше эпизод со взяткой Шафирову.

Но и шифрование не могло гарантировать конфиденциальности переписки. Вебер подчёркивал, что русские только обучаются искусству перехвата информации: хотя они и вскрывают переписку, но пока не научились искусно запечатывать подвергшиеся перлюстрации письма: «тот, кто трудится, дабы их вскрыть, ещё не владеет сим ремеслом, ибо печати на пересланных мне, а также

³¹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 13 января 1719 г., Санкт-Петербург.

³² Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

³³ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 18 августа 1718 г., Ревель.

³⁴ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 17 июля 1718 г., Санкт-Петербург.

³⁵ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 24 июня 1718 г., Санкт-Петербург.

³⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 3 марта 1718 г., Санкт-Петербург.

господам Лоссу, Вестфалю и прочим письмам были скреплены весьма небрежно»³⁷. Одновременно ганноверец отмечал, что русское правительство активно работает в этом направлении. В начале 1718 г. он рассказал о нанятом Петром I в Голландии шотландце, который «очень искусный мастер и обладает тайными познаниями <...> за четверть часа он может заново поставить печать на письме, он запечатывает письма, так что их нельзя [незаметно] вскрыть, он умеет читать шифр, в общем, он весьма опасен для тех, кто занят здесь внешними сношениями»³⁸. В августе 1718 г. Вебер узнал, что «здешний двор снял копии со всех перехваченных писем, надеясь, быть может, рано или поздно разгадать наши шифры»³⁹. Резиденту было известно, что над дешифровкой его корреспонденции в России работает «некий англичанин по имени Недлтон»⁴⁰.

Судя по последующим сообщениям Вебера, он считал, что дешифровать его письма русским так не удалось. Тем не менее такие опасения не могли не влиять на содержание его сообщений. «Отчего бы не послушать ему моего совета и не быть сдержаннее в своей переписке. Сдержанность бы ему не повредила», герцогом Голштинским писал ганноверец о пострадавшем голландском резиденте де Би⁴¹. Следует полагать, что сам он такую сдержанность проявлял. Особенно это заметно в донесениях о деле царевича Алексея. Читая письма Вебера, в которых он последовательно подчёркивает оправданность и необходимость мер, принятых Петром I в отношении своего злосчастного сына, и избегает любых негативных оценок, трудно избавиться от ощущения, что ганноверец делает это намеренно и демонстративно, имея в виду возможность попадания этих писем в руки русских властей. После расправы над имперским и голландским резидентами, которые пострадали «лишь оттого, что сказали правду», Вебер пишет об этих событиях очень скупое, «ибо они чересчур деликатны, чтобы доверять их бумаге». «Отложу рассказ для записок о Московии, кои я когда-нибудь напишу», – сообщал он Робесону⁴². Действительно, подробности «кровавого зрелища», которым завершилось дело царевича Алексея, Вебер изложил в своей книге «Преображённая Россия».

Вопросы войны и мира на Балтике глазами Вебера

Содержательный анализ такого перспективного источника как письма Вебера Робесону ещё впереди, и в рамках этой статьи можно предложить лишь самые общие наблюдения. Судя по сообщениям Вебера, одной из задач резидента в охваченный донесениями период было выяснение характера отношений

³⁷ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 18 августа 1718 г., Ревель.

³⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 16 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

³⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 августа 1718 г., Ревель.

⁴⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 12 сентября 1718 г., Санкт-Петербург.

⁴¹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 17 июля 1718 г., Санкт-Петербург.

⁴² Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 11 июля 1718 г., Санкт-Петербург; 11 августа 1718 г. Ревель.

русского двора с якобитами. Вебер постоянно получал тревожные сообщения о том, что в России находится участник якобитского восстания 1715 г. герцог Ормондский⁴³, который будто бы ведёт переговоры с Петром о браке претендента на английский престол Якова III Стюарта с вдовствующей герцогиней Курляндской (будущей императрицей Анной Иоанновной)⁴⁴. Из писем резидента видно, что король Георг был также недоволен присутствием на территории России многочисленных якобитов, некоторые из которых были приняты на русскую службу. Вебер неоднократно обсуждал тему пребывания якобитов в России и их связей с русским двором, в частности, с вице-канцлером Шафировым, который убеждал резидента, что «Его Царское Величество никогда не давал приюта сим англичанам, и что подобный поступок никак не соответствует Его интересам»⁴⁵. Уже к концу 1718 г. Вебер заключил, что сватовство претендента к царской племяннице было мнимым, якобитскому эмиссару так и не удалось попасть к русскому двору, а Пётр не вмешивался в международные интриги претендента⁴⁶. Вебер также пришёл к выводу, что царь перестал брать на службу «беглых англичан, покинувших отечество своё без ведома короля»⁴⁷. К концу 1718 г. Вебер окончательно уверился, что Пётр не причастен к якобитскому заговору.

Вполне естественно, что центральное место в донесениях Вебера за 1718–1719 гг. занимает Аландский конгресс. Хотя переговоры держались в строжайшем секрете, Вебер знал о них уже осенью 1717 г. и внимательно следил за передвижениями назначенных на конгресс русских и шведских уполномоченных. От русских курьеров и комендантов Вебер узнал, что Я.В. Брюс и А.И. Остерман прибыли на переговоры уже 19 января, тогда как шведские уполномоченные не спешили и «под разными коварными предлогами тянули время»⁴⁸. В марте 1718 г. Вебер доносил Робесону, что «господа Брюс и Остерман по-прежнему томятся в Або, причём ни Гёрц, ни какой иной шведский вельможа туда не прибыл»⁴⁹. Только в мае 1718 г. Вебер получил сообщения, что шведские представители прибыли на переговоры, и тогда ганноверец максимально активизировал свою разведывательную сеть для получения актуальной информации с Аландских островов.

Собранные резидентом сведения всё больше приводили его к заключению о несовместимости российских и шведских ожиданий от мирного договора: «царь неупрочен и желает сохранить свои завоевания»⁵⁰, а шведское правительство

⁴³ Джеймс Батлер (1665–1745), граф Ормонд, главнокомандующий британской армии (1711–1714), участник Якобитского восстания (1715), после которого покинул Англию, жил во Франции и Испании.

⁴⁴ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 13 января 1718 г., Санкт-Петербург.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 15 марта 1718 г., Москва.

⁴⁷ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 1 июня 1718 г., Санкт-Петербург.

⁴⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 марта 1718 г., Москва.

⁴⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 2 марта 1718 г., Санкт-Петербург.

⁵⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 14 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

«ни за что не согласится на столь суровые условия»⁵¹. Соответственно, базовая версия Вебера состояла в том, что для обоих участников эти переговоры – всего лишь способ оказать давление на своих союзников. Ссылаясь на «одного приятеля, что служит в канцелярии», Вебер сообщил Робесону, «будто царь в Москве ударил по рукам с [датским посланником] Вестфаленом лишь дабы потешить публику и помешать Его Датскому Величеству вступить в союз с нашим королём и послушать его советов»⁵². К лету 1718 г. у Вебера уже не было сомнений, что слухи о скором мире между шведским повелителем и царём «обманчивы»⁵³.

Вероятно, английский двор не разделял уверенности резидента, и на протяжении весны – лета 1718 г Веберу приходилось вновь и вновь доказывать Робесону, «что сепаратный мир в Финляндии подписан не будет»⁵⁴. В донесениях то и дело встречаются заявления вроде «я могу поставить 20 дукатов против 10 в пользу того, что действия названных выше господ ни к чему не приведут», «мир, однако, далёк и ненадёжен, как никогда. Я говорю со знанием дела», «уверяю Вас и клянусь честью, коей я обязан Его Величеству, что не улажен ещё ни один пункт сего договора и он ещё столь же сомнителен»⁵⁵. Однако заверения Вебера, что переговоры никогда не «примут серьёзный оборот», не убедили английское правительство⁵⁶, и в мае 1718 г. главным и уже единственным условием Англии для установления добрых отношений с Россией было немедленное прекращение Аландского конгресса⁵⁷. Соответственно, с этого времени ключевой задачей Вебера стало «прервать переговоры на Аланде и добиться возвращения [в Россию] царских вельмож»⁵⁸.

Донесения Вебера любопытны и тем, как именно он анализировал ситуацию и обосновывал свои выводы. Разумеется, важнейшую роль в его размышлениях играли попытки выяснить стратегические планы и субъективные настроения самого царя. Однако помимо этого его интересовала ситуация в стране: Вебер считал, что «царь, видя великое желание своего народа жить в мире, делает вид, будто не хочет его лишать сего блага»⁵⁹. В начале 1718 г. резидент описал, какие «истинные причины вынуждают [Петра] искать мира» со Швецией. Во-первых, «финансы сильно истощены, народ в целом сильно обнищал, торговля пришла в упадок, люди недовольны»⁶⁰. Во-вторых, реформы царя породили недовольство: например, «учреждение коллегий пробудило в народе ненависть, и одной своей властью [Пётр] не сможет предотвратить великие напасти, кои часто

⁵¹ Там же.

⁵² Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 9 мая 1718 г., Санкт-Петербург.

⁵³ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 июня 1718 г., Москва.

⁵⁴ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 марта 1718 г., Москва.

⁵⁵ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 3 марта 1718 г., Москва; 27 мая 1718 г.; 20 июня 1718 г., Санкт-Петербург.

⁵⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 июня 1718 г., Москва.

⁵⁷ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 9 мая 1718 г., Санкт-Петербург.

⁵⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 13 мая 1718 г., Санкт-Петербург.

⁵⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 14 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

⁶⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 23 января 1718 г., Санкт-Петербург.

случаются от злоупотребления терпением»⁶¹. В связи с этим ползёт всё больше слухов, что здоровье царя пошатнулось, «государь при смерти, и гражданская война неизбежна»⁶².

Кроме того, Вебер полагал, что при русском дворе есть разные игроки, помимо самого царя, в том числе, есть фракции, настроенные к Англии как враждебно, так и дружественно, и фракции, настроенные как на заключение сепаратного мира, так и на продолжение войны. Так, в феврале 1718 г. резидент отметил, что «русские разделились во мнениях. Самые здравомыслящие, коих число, однако, весьма невелико, почитают себя обманутыми Гёрцем, коего они изобличают как отъявленного плута и мастера устраивать всякие ссоры. Прочие, не задумываясь, желают мира»⁶³. Вебер наблюдал разделение мнений при дворе относительно дружбы с Англией: Шафиров «здесь единственный, кто советует царю действовать мягко, не заключать ни за что сепаратного мира и договориться с нашим [английским] двором», в то время как Меншиков, Толстой, Ягужинский «не перестают внушать Его Царскому Величеству, что [английский двор] действует не из добрых побуждений и, движимый личными пристрастиями, всего лишь водит царя за нос, дабы пустыми обещаниями заставить исполнить свои желания»⁶⁴.

События конца 1718 – начала 1719 гг. – смерть шведского короля Карла XII и приход к власти его сестры Ульрики Элеоноры – неожиданно и радикально изменили ситуацию. Вебер не был уверен, какую позицию займёт новая правительница. В письмах января – марта 1719 г. он рассуждал, что с одной стороны, Швеция была в «великой нужде», так что королева может быть вынуждена либо «принять мир на невыгодных условиях, либо по меньшей мере продолжить конгресс», но с другой стороны, надеялся на расположенность сестры Карла и её супруга к Англии. После прибытия в Россию в январе 1719 г. английского резидента Дж. Джеффериса два дипломата сообща активизировали попытки сорвать Аландские переговоры. Порой их идеи приобретали откровенно авантюристический характер: Джефферис и Вебер предлагали англичанам «высадившись на фрегате к месту, силой увести оттуда шведского уполномоченного». Для реализации этой затеи Вебер даже послал в Лондон план острова Аланд, снятого «с оригинала, привезённого господином Остерманом»⁶⁵.

Параллельно Вебер наблюдал, как менялось отношение к Англии самого Петра. Если в январе 1718 г. резидент доносил о «добрых намерениях» царя по отношению к Англии⁶⁶, то 9 мая 1718 г. уже писал, что «царь настроен к нам

⁶¹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 14 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 июня 1718 г., Санкт-Петербург; 23 июля 1718 г., на борту корабля «Егудиил» у берегов Котлина.

⁶⁵ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 24 февраля 1719 г., Санкт-Петербург.

⁶⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 января 1718 г., Санкт-Петербург.

чрезвычайно враждебно»⁶⁷. Резидент объяснял произошедшую перемену тем, что у Петра «якобы имеются точные сведения о сепаратном мире между Англией и Швецией». Русский царь «боялся, что Англия, Дания и Швеция заключат союз, и их флоты войдут в Финский залив, дабы заставить его подписать мир на предложенных условиях»⁶⁸.

В начале 1719 г. международное положение России ухудшилось. Заключение в Вене «тройного альянса» и недовольство царя своими бывшими союзниками, подписавшими договоры с Англией, с одной стороны, сильно разозлили Петра, а с другой, вынудили его выполнить одно из условий Георга: «царь отдал приказ двухтысячному русскому корпусу, коий стоит в Мекленбурге, незамедлительно возвращаться»⁶⁹. Однако прекращать Аландский конгресс русский монарх не был намерен. В январе-феврале 1719 г. Пётр неоднократно возвращался к вопросу о достижении договорённости с Англией, но после того, как в апреле 1719 г. английский флот был направлен в Балтийское море, отношения окончательно испортились: в мае английский и ганноверский резиденты были удалены от двора, а «главным придворным особам по-прежнему запрещают видеться [с резидентами]»⁷⁰. Отношение Петра к Англии к середине 1719 г. характеризует одно из майских донесений Вебера: «Позвольте, милостивый государь, прибавить к тому, что царь доставляет огорчения моей тёще лишь потому, что она отдала свою дочь за ганноверца, а ещё царь молвил даже, де одного только Веберова происхождения довольно, чтобы не позволить ему разбогатеть в сей стране, каким бы добропорядочным он ни казался»⁷¹.

* * *

Рассмотренная нами корреспонденция ганноверского резидента Ф.Х. Вебера из России отражает, с одной стороны, представление этого дипломата о международной обстановке на заключительном этапе Северной войны, а с другой, цели Англии в балтийском регионе, исходя из задач, которые Сент-Джеймский двор ставил перед Вебером. В первую очередь резиденту надлежало устранить якобитскую опасность: выявить агентов претендента на английский престол Якова Стюарта и убедить русского государя прекратить сотрудничество с ними. Не менее важной задачей было получение информации о ходе и перспективах Аландского конгресса. За время своей дипломатической миссии Вебер создал широкую сеть информаторов и осведомителей, что позволило ему следить за ходом переговоров на Аланде, а также за настроениями русского и шведского двора. Резиденту удалось привлечь на свою сторону некоторых влиятель-

⁶⁷ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 9 мая 1718 г., Санкт-Петербург.

⁶⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 6 мая 1718 г., Санкт-Петербург.

⁶⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 10 марта 1719 г., Санкт-Петербург.

⁷⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 12 мая 1719 г., Санкт-Петербург.

⁷¹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 15 мая 1719 г., Санкт-Петербург.

ных русских министров (например, вице-канцлера П.П. Шафирова). На основе собранных им сведений резидент пришёл к выводу, что переговоры России и Швеции о мире бесперспективны. Однако, судя по переписке Вебера, ему не удалось убедить в этом английское правительство, поэтому с мая 1718 г. первоочередной задачей резидента было сорвать переговоры. В статье показано, как ганноверский резидент анализировал внутривластную ситуацию в России и оценивал меняющееся отношение Петра к Англии. В письмах Робесону Вебер подчёркивал плачевное экономическое положение в России, которое может привести чуть ли не к гражданской войне. Резидент отмечал существование различных позиций относительно внешне- и внутривластного курса Петра как при дворе, так и в обществе.

Дальнейшее изучение переписки позволит дополнить имеющуюся в историографии картину международных отношений и дипломатии периода Аландского конгресса. В настоящее время авторы данной статьи работают над подготовкой этого источника к публикации.

Об авторах:

Игорь Игоревич Федюкин — Ph.D., доцент Школы исторических наук и директор Центра истории России нового времени Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 107031, г. Москва, ул. Ст. Басманная, д. 21/4, стр. 1, каб. А-127. E-mail: ifedyukin@hse.ru

Арина Дмитриевна Новикова – аспирантка Школы исторических наук и стажер-исследователь Центра истории России нового времени Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 107031, г. Москва, ул. Ст. Басманная, д. 21/4, стр. 1, каб. А-127. E-mail: adnovikova_3@edu.hse.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 22-48-04402). Благодарим Алисе Плате, научного сотрудника Лаборатории эдиционной археографии ИГНИ УрФУ, любезно ознакомившей нас с предварительными результатами своего исследования донесений Вебера в Германскую канцелярию в Лондоне, хранящихся в настоящее время в Государственном архиве земли Нижняя Саксония.

UDC: 94.327

Received: December 11, 2021

Accepted: March 02, 2022

Letters of Friedrich Christian Weber to John Robeson from Russia, 1718-1719

I.I. Fedyukin

A. D. Novikova

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-85-107](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-85-107)

National Research University Higher School of Economics

Abstract: The article examines the correspondence of the Hanoverian resident in Russia Friedrich Christian Weber over the period from January 1718 to the spring of 1720. The set of letters includes over two hundred reports written by the diplomat in French and currently deposited in the French Manuscripts collection of the Bodleian Library of the University of Oxford. The goal of this article is to present this source to the scholarly audience and to offer its preliminary analysis. Although Weber was formally a Hanoverian resident, he represented the interests of England, because the Elector of Hanover, since 1714, was also the monarch of Great Britain. The addressee of Weber's letters was John Robethon, George I's diplomatic secretary. The article examines various aspects of Weber's diplomatic activities, including the methods he used to collect information in Russia and send it to England, such as bribing Russian officials, resorting to secret agents, ciphers, sending dispatches "under the cover, and others. The letters also reflect the tasks set before him by his government, first of all, investigating the nature of relations between the Russian court and the Jacobites and monitoring the progress of the Congress of Åland, including the views of the Russian and Swedish courts regarding the prospects of a separate peace treaty between them. The article also considers Weber's approach to the analysis of the international situation and the political situation in Russia. He concluded that a separate treaty between Russia and Sweden was highly unlikely and sought to convey this to his addressee. In spite of this the British government continued to view the ongoing negotiations at Åland as a threat. Beginning in May 1718, the Court of St. James repeatedly instructed Weber to find ways to disrupt Congress. The set of letters shed light on the history of Russian foreign policy at the final stage of the Great Northern War on the eve of the conclusion of the Peace of Nystad.

Keywords: diplomacy, Northern War 1700-1721, Åland Congress, Peter the Great, George I, F.H. Weber, Russia, Great Britain

About the authors:

Igor I. Fedyukin – Ph.D. Associate Professor in the School of Historical Sciences and Director of the Center for Early Modern Russian History at the National Research University Higher School of Economics. 107031, Moscow, St. Basmanaya St., 21/4, bld. 1, Room A-127.

E-mail: ifedyukin@hse.ru.

Arina D. Novikova – postgraduate student at the School of Historical Sciences and a researcher at the Center for Early Modern Russian History, National Research University Higher School of Economics. 107031, Moscow, St. Basmanaya St., 21/4, bld. 1, Room A-127, Moscow.

E-mail: adnovikova_3@edu.hse.ru.

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflicts of interests.

Acknowledgements:

The research was carried out through the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-48-04402).

We thank Alice Plate, a researcher at the Laboratory of Alternative Archaeography of the IGNI UrFU, who kindly acquainted us with the preliminary results of her study of Weber's reports to the German Chancellery in London, currently stored in the State Archive of Lower Saxony.

References:

- Black J. 2005 Hanover and British Foreign Policy, 1714-60. *The English Historical Review*. 120(486). P. 326-348.
- Bushkovitch P. 2001. *Peter the Great: The Struggle for Power, 1671-1725*. Cambridge: Cambridge University Press. 485 p.
- Chance J.F. 1898. John de Robethon and the Robethon Papers. *The English Historical Review*. 13(49). P. 55-70. DOI: 10.1093/ehr/XIII.XLIX.55
- Chance J.F. 1909. *George I and the Northern war: A Study of British-Hanoverian Policy in the North of Europe in the Years 1709 to 1721*. London: Smith, Elder, and Company. 134 p.
- Chance J.F. 1906. The Northern Question in 1718. *The English Historical Review*. №2. P. 460-492. DOI: 10.2307/550222
- Hatton R. 1978. *George I: Elector and King*. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press. 416 p.
- Klonowski M. 2005. Im Dienst des Hauses Hannover: Friedrich Christian Weber als Gesandter im Russischen Reich und in Schweden 1714-1739. Husum: Matthiesen. 219 s. (In German)
- McKay D. 1973. The Struggle for Control of George I's Northern Policy, 1718-19. *The Journal of Modern History*. 45(3). P. 367-386.
- Mediger W. 1967. *Mecklenburg, Russland und England – Hannover. 1706—1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Kriege*s. Hildesheim: Lax Hildesheim.
- Michael W. 1928. Die Personalunion von England und Hannover und das Testament Georgs I. *Archiv für Urkundenforschung*. 6(1). S. 323-340. (In German)
- Murray J.J. 1969. *George I: The Baltic and the Whig Split of 1717*. Chicago: University of Chicago Press. 366 p.
- Weber F. Ch. 1880. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei. Vornehmlich nach u. aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr. Christian Weber's. *Ernst Herrmann* (Hg.). Leipzig: Duncker & Humblot. 226 s. (Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands; 2). (In German)
- Bazarova T.A. 2017. Prikluchenie gannovortsev v Rossii: maloizvestnyi epizod prebyvaniia rezidenta F.Kh.Vebera pri dvore Petra I [The Adventure of the Hanoverians in Russia: a little-known episode of the resident F.H.Weber's stay at the court of Peter the Great]. *Materialy nauchnoi konferentsii «Petrovskoe vremia v litsakh» 2017*. St. Petersburg. P. 49-58. (In Russian)
- Brikner A.G. 1902. Khristian-Fridrikh Veber [Christian-Friedrich Weber]. *Ministry of National Education Journal*. Ch. 213. №1. P. 45- 78. (In Russian)
- Feigina S.A. 1959. *Alandskii kongress [Congress of Aland]*. Moscow: izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 546 p. (In Russian)

Lavrov A.S. 1996. Arkhiv Fridrikha-Khristiana Vebera [Friedrich-Christian Weber' Archive]. *Peterburgskie chteniia*-96. St. Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr "Blits". P. 442–444. (In Russian)

Nikiforov L.A. 1946. Russko-angliiskie otnosheniia v 1718—1719 gg. i Alandskii kongress [Russian-English Relations in 1718-1719 and the Congress of Aland]. *Historical Transactions*. Moscow. Vol. 30. P. 255-291. (In Russian)

Nikiforov L.A. 1950. *Russko-angliiskie otnosheniia pri Petre I* [Russian-English Relations under Peter I]. Moscow: Gospolitizdat. 276 p.

Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. 1888. Vol. 61. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. 610 p. (In Russian)

Sterlikova A.A. 2006. *Russkaia diplomatiia v 1714 – nachale 1718 gg.: Poisk vykhoda iz Severnoi voyny: dis. kand. ist. nauk* [Russian Diplomacy in 1714 – early 1718: The Search for a Way Out of the Northern War: PhD. in History Dissertation]. St. Petersburg. 368 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Базарова Т.А. 2017. Приключение ганноверцев в России: малоизвестный эпизод пребывания резидента Ф.Х. Вебера при дворе Петра I. *Материалы научной конференции «Петровское время в лицах» 2017*. Санкт-Петербург. С. 49-58.

Брикнер А.Г. 1902. Христиан-Фридрих Вебер. *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. 213. №1. С. 45- 78.

Бушкович П. 2008. *Пётр Великий. Борьба за власть (1671-1725)*. Пер. с англ. Н.Л. Лу-жецкой. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 541 с.

Лавров А.С. 1996. Архив Фридриха-Христиана Вебера. *Петербургские чтения – 96*. Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр "Блиц". С. 442–444.

Никифоров Л.А. 1946. Русско-английские отношения в 1718—1719 гг. и Аландский конгресс. *Исторические записки*. Москва. Т. 30. С. 255-291.

Никифоров Л.А. 1950. *Русско-английские отношения при Петре I*. Москва: Госполитиздат. 276 с.

Сборник Императорского Русского исторического общества. 1888. Т. 61. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук. 610 с.

Стерликова А.А. 2006. *Русская дипломатия в 1714 – начале 1718 гг.: поиск выхода из Северной войны*. Дисс. канд. ист. наук 07.00.02. Санкт-Петербург. 368 с.

Фейгина С.А. 1959. *Аландский конгресс*. Москва: Изд-во АН СССР. 546 с.